

«История Белорусской ССР» 1954 г.: создание первого советского учебника по национальной истории*

History of the Byelorussian SSR in 1954: Creation of the First Soviet Textbook on National History

The article describes the process of creating the national history textbook of the Byelorussian SSR. It was commissioned in the 1920s and 1930s, but, for a number of reasons, i.e.. due to the influence of Marxist ideology and repressions against Byelarusian historians, remained unwritten in the prewar period. The writing process was resumed at the final stage of World War II by historians from the Academy of Sciences of the BSSR. Russian historians also actively participated in the preparatory stage. They formulated conceptual approaches to writing the national history of BSSR. By 1954, after numerous discussions about its content, the textbook was approved by the Central Committee of the Communist Party of the BSSR and became the main account on the history of Belarus in the Soviet period.

Keywords: history of the Byelorussian SSR, national history, Marxist ideology, textbook

Słowa kluczowe: historia Białoruskiej SRR, historia narodowa, ideologia marksistowska, podręcznik

В белорусской постсоветской историографии проблема изучения написания первого марксистского учебника по истории БССР (*История Белорусской ССР*, 1954 г.), не нашла всестороннего отражения в работах белорусских историков. Фрагментарно, в рамках исследования общего развития исторического образования в БССР, освещали эту тему минские ис-

* Artykuł powstał w ramach projektu „Obraz Rzeczypospolitej/Polski w „Historii Białoruskiej SSR”: transformacja sowieckiego przekazu historycznego w narodowo-oficjalną wersję dziejów”, finansowanego ze środków Narodowego Centrum Badań i Rozwoju.

торики Валентина и Олег Яновские¹, а также гродненский историк Виктор Белозорович². Влияние партийно-идеологического фактора на развитие исторической науки в БССР в советский период и, в связи с этим, попытка анализа процесса написания первого систематизированного учебника по истории Белорусской ССР и факторов, которые влияли на этот процесс, была предпринята немецким историком Райнером Линднером³.

Цель данной статьи – изучить и проанализировать совокупность факторов, повлиявших на процесс написания первого марксистского учебника *История Белорусской ССР* (1954) в 1943–1954 гг.

Попытка создания синтетического марксистского учебника по истории БССР относится к 1920–1930 гг. и связана, прежде всего, с именами известных белорусских историков, главным образом, Всеволода Игнатовского и Митрофана Довнар-Запольского. Однако их личные судьбы, как и судьбы их учебников оказались более чем трагичны.

Я сознательно не упомянул работу Вацлава Ластовского *Короткая история Беларуси* (1910), в которой он обобщил известные факты с точки зрения национальной истории Беларуси⁴. Однако, он не имел исторического образования, не был профессиональным историком, поэтому сравнивать его работу с работами вышеупомянутых профессиональных историков, представляется не совсем корректным. Его работа представляет скорее популярно-научный очерк, чем систематизированный, структурированный и методически подготовленный учебник.

Всеволод Игнатовский стал жертвой репрессий, развернутых против белорусской национальной интеллигенции в рамках так называемой „борьбы с национал-демократизмом” („нацдемами”), в ряды которых попал и В. Игнатовский. Среди его работ наиболее важное значение имеет *Краткий очерк истории Беларуси* (1-е издание, 1919; 2-е и 3-е издание, 1921; 4-е издание, 1926). В этих работах наиболее отчетлива проявились подходы В. Игнатовского на историю Беларуси с марксистских подходов⁵.

¹ В.В. Яновская, О.А. Яновский, *Написание учебника истории Беларуси в условиях „Борьбы на идеологическом фронте” (1930–40-е гг.)* „Журнал Белорусского государственного университета” 2017, nr 1, s. 32–39.

² В.А. Белозорович, *Вклад Л.С.Абцедаарскаго в подготовку двухтомной „Истории Белорусской ССР”, [w] Пічэтаўскія чытанні – 2019: універсітэцкая навука і гістарычная адукацыя ў Беларусі ХХ – пачатку ХХІ ст.: да 85-годдзя стварэння гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта*, Мінск 2019, s. 217–221.

³ Р. Линднер, *Гісторык і ўлада. Нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі ў ХІХ–ХХ ст.*, Мінск 2005.

⁴ *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т., т. 4, red. Г.П. Пашкоў (галоўны рэд.) і ін., Мнск 1997, s. 337.*

⁵ У.М. Ігнатоўскі, *Кароткі нарыс гісторыі Беларусі*, Мінск 1991, s. 3.

В 1930 г. он был обвинен в том, что в своих работах особенно подчеркивает национальные моменты в отличие от классовых, идеализирует „нашенивский” период в истории Беларуси, не вскрывает „вражескую и классовую сущность” деятелей „нашенивского” периода и т.д.⁶

В феврале 1931 г. постановлением президиума и партколлегии Центральной контрольной комиссии (ЦКК) Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии (КП(б)Б) он был исключен из партии как „национал-уклонист”. В этом же месяце 1931 г. В. Игнатовский был вызван на допрос в Главное политическое управление (ГПУ) БССР, где был допрошен в качестве обвиняемого по делу так называемого „Союза освобождения Белоруссии” (СОБ), сфабрикованного ГПУ БССР в целях уничтожения белорусской национальной интеллигенции ГПУ планировало „использовать” В. Игнатовского как одного из лидеров этой организации⁷. После допроса, вернувшись домой он застрелился.

Работа В. Игнатовского охватывает всю историю Беларуси до 1924 г., включая укрепление БССР – передача значительной части Витебской, Гомельской и части Смоленской губерний, что способствовало объединению белорусского народа в едином белорусском государстве. В. Игнатовский предложил следующую периодизацию истории: 1. Полоцкий; 2. Литовско-белорусский; 3. Польский (Беларусь в составе Речи Посполитой); 4. Российский; 5. Беларусь после свержения царизма⁸.

В. Игнатовский называет „Польский период” истории Беларуси, который связан с принятием Кревской унии. По его мнению, в результате унии Литовско-Беларусское государство (Великое княжество Литовское (ВКЛ)) были „инкорпорированы” польским государством. Окончательно утрата независимости ВКЛ была связана с Люблинской унией⁹. Третий период (XVI–XVIII вв.), рассматривается им в связи с принятием Люблинской (1569 г.) и Брестской (1596 г.) уний. В. Игнатовский, к основным внутренним причинам заключения Люблинской унии, относит желание белорусской шляхты получить такие же права, как и польская шляхта. Внешним же фактором заключения унии В. Игнатовский считал военно-политический натиск на Литву и Беларусь со стороны Московского государства и постоянные нападения на белорусские земли. В результате, с конца XVII в. в Беларуси и на Литве начал господствовать польский язык, как государственный язык, а вместе с ним польская культура, польский социально-политический строй и католическая вера. Шляхта ополячивалась и отдалялась

⁶ Ibidem, s. 7.

⁷ Ibidem, s. 8.

⁸ Ibidem, s. 9.

⁹ Ibidem, s. 10.

от своего народа. Этот тезис был воспринят и советскими белорусскими историками и вошел в учебники по истории Беларуси советского периода, в том числе и в том I *Истории Белорусской ССР*¹⁰.

Брестскую унию В. Игнатовский считал, в этом он солидарен с российскими ученым досоветского периода, как результат национально-религиозного притеснения белорусского народа. Поэтому принятие унии он считает не религиозным, а политическим вопросом¹¹. Этот тезис В. Игнатовского так же был принят и белорусскими советскими историками. Такая позиция историка объясняется прежде всего политическими причинами. Советский Союз с момента образования Польского государства в 1918 г. считал его своим политическим соперником и противником. Естественно, политика Польши должна была быть показана на занятых белорусских и украинских землях только отрицательно. Поэтому и Любинская и Брестская унии охарактеризованы советскими, в том числе и белорусскими советскими историками, только в негативном плане.

Все его работы, в том числе и *Краткий очерк истории Белоруссии* до начала 1990-х г. были запрещены для общего использования и находились в отделах спецхранов государственных библиотек или были уничтожены.

Историю БССР М. Довнар-Запольского постигла более трагическая „история”. Первая мировая война, революция и гражданская война тяжело отразились на судьбе ученого. Он вынужден работать в Киеве, Харькове и Баку. В 1921 г. он впервые получает приглашение на работу в Минск, в созданный Белорусский государственный университет (БГУ), однако по разным причинам в 1921 г. он не смог приехать в Беларусь. Только в 1925 г. после вторичного приглашения М.В. Довнар-Запольский переезжает из Баку в Минск и начинает работу в БГУ.

Высокий профессионализм, независимость научных взглядов, несогласие с основными положениями „официальной” исторической науки, вызвали раздражение партийно-советского руководства Беларуси. Его попытка издать *Историю Белоруссии* были расценены высшим партийным руководством БССР как проявление „буржуазного национализма”. В соответствии с решениями бюро ЦК КП(б)Б от 2 апреля 1926 г. его „выдавили” из Беларуси. Осенью 1926 г. М.В. Давнар-Запольский навсегда покидает Беларусь и переезжает в Москву. На протяжении 1930–1934 гг. все его работы подвергаются жесткой критике. От упреков в отходе от марксизма, его начали обвинять в „неонародничестве”, а также в идеологическом обосновании „национал-демократизма”¹². Травля, начатая в Минске продолжа-

¹⁰ Ibidem, s. 11.

¹¹ Ibidem, s. 14.

¹² М.В. Довнар-Запольский, *История Белоруссии*, Минск 2003, s. 10.

лась и в Москве. Это привело к тому, что 30 сентября 1934 г. ученый умер от сердечного приступа.

Его *История Белоруссии* так и не вышла при его жизни, хотя работа над нею была начата еще в 1918 г. Белорусские исследователи жизни и творчества ученого предполагают, что *История Белоруссии* задумывалась и планировалась М.В. Довнар-Запольским как учебное пособие¹³. В 1924 г. Наркомпрос Беларуси уведомил М.В. Довнар-Запольского о получении первой части рукописи *Истории Белоруссии* и о том, что она отдана для перевода на белорусский язык¹⁴.

М.В. Довнар-Запольский выделяет следующие периоды истории Беларуси: 1. Древний (VII–IX вв.); 2. Княжеский (X–XI вв.); 3. Великое княжество Литовское (XIII – первая половина XVI вв.); 4. Эпоха унии с Польшей (Вторая половина XVI – конец XVIII вв.); 5. Период разделов (Конец XVIII – первая треть XIX вв.); 6. Эпоха русского господства (Вторая треть – конец XIX вв.); 7. Эпоха национального возрождения (Рубеж XIX–XX вв.); 8. Борьба за государственность (1915–1919 гг.)¹⁵.

В 1926 г. рукопись *Истории Белоруссии* попала в отдел печати ЦК КП(б)Б, где ее проанализировали и вынесли решение не издавать работу. 28 января 1926 г. состоялось закрытое заседание бюро ЦК КП(б)Б, на котором было принято решение: „1. Признать, что книгу Довнар-Запольского издавать нельзя как вражающую позицию белорусского национального демократизма и в корне искажающую историю Белоруссии. 2. Рукопись взять в собственность Белгиза, юридически оформив, передать на хранение в бюро секретариата. 3. Считать необходимым подвергнуть широкой критике книгу Довнар-Запольского в целях развертывания идеологической борьбы против национального демократизма”¹⁶.

Это решение было приговором и книге, и автору. Она долгие годы находилась на закрытом хранении в Институте истории партии ЦК КПБ и только в 1994 г. *История Белоруссии* в переводе на белорусский язык впервые стала доступной историкам и широкому кругу общественности в Беларуси¹⁷.

Невозможность создания марксистского учебника по истории Беларуси в предвоенный период объясняется довольно просто. Массовые репрессии против ученых-историков Академии наук (АН) БССР и преподавателей ВУЗов середины 1920-х – конца 1930-х гг., крайне отрицательно

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibidem, s. 11.

¹⁵ Ibidem, s. 12.

¹⁶ Ibidem, s. 13.

¹⁷ Ibidem, s. 14.

сказались на научном потенциале гуманитариев. Второй причиной, приведшей к такой ситуации, следует считать, что в республике не имелось крупного историка и профессиональных историков, которые могли бы выполнить эту задачу.

Тем не менее, в предвоенные годы была сделана попытка написания учебника по истории Беларуси. Работа над новым учебником по истории БССР была начата в середине 1930-х гг. Эту задачу призваны были решить ученые Института истории Белорусской академии наук (БАН), оформившегося уже в 1929 г., и исторического факультета БГУ, созданного в 1934 г. Содержание учебника должно было окончательно развенчать так называемую „нацдемовскую сущность” белорусской истории, проявленную в работах таких известных историков как Всеволод Игнатовский, Митрофан Довнар-Запольский и Вацлав Ластовский. Не менее важной задачей должно было быть создание „канонического” марксистского учебника, который стал бы примером для историков и общественности и исключил бы любую возможность ‘вольной и самостоятельной” трактовки и интерпретации событий и фактов национальной истории.

Однако в условиях Беларуси в середине-конце 1930-х г. это была непосильная и невозможная для выполнения задача. Прежде всего, из-за крайне низкого количественного и качественного кадрового потенциала белорусских историков. В годы „Большого террора” белорусские историки подверглись массовым репрессиям и далеко не все смогли выжить. Красноречиво признал это первый декан исторического факультета БГУ и по совместительству вице-президент Белорусской академии наук (БАН) и одновременно заместитель директора Института истории БАН В.К. Щербаков, который в отчете о работе исторического факультета БГУ в 1936 г. озвучил „печальную” статистику: по состоянию на май 1936 г. в БССР насчитывалось всего лишь 63 историка, притом он особенно подчеркнул, что их уровень профессионализма „совсем не удовлетворительный”¹⁸. Безусловно, с таким количественным и качественным кадровым потенциалом создать учебник по национальной истории было весьма и весьма проблематично, если вообще возможно.

В начале 1935 г. была созвана 1-я Всебелорусская конференция историков, организованная БГУ и Институтом истории БАН. Конференция собрала более 100 ученых республики. В ней также участвовали приглашенные историки из Москвы, Ленинграда и Харькова. Все признали главной задачей на ближайшие годы написание учебников по истории БССР

¹⁸ В.В. Яновская, О.А. Яновский, *Написание учебника истории Беларуси*, с. 33.

и краткой истории КП(б)Б¹⁹. Осуществлять задание были призваны историки недавно созданных научных структур – кафедры истории народов СССР БГУ и секторов Института истории БАН, в практике работы которых белорусская история выступала в качестве самостоятельного предмета преподавания и научных исследований, хотя и рассматривалась непременно в контексте истории СССР.

Первыми членами авторского коллектива по написанию учебника являлись белорусские исследователи: В.К. Щербаков, Е.И. Корнейчик, А.Н. Лявданский, К.И. Керножицкий, И.Т. Пшеничный, И.Ф. Лочмель, Д.А. Дудков и др. Для консультаций в БГУ и Институт истории БАН приглашались ученые из Москвы и Ленинграда: М.Г. Седов, В.В. Мавродин, К.В. Базилевич, Е.А. Мороховец, В.Н. Бочкарев и др.²⁰ Однако результата достичь так и не удалось. В 1937 г. белорусские историки подверглись жестоким репрессиям, выжить после которых удалось далеко не всем. Уцелевшие ученые пытались освоить новые парадигмы и разрушить стереотипы, навязанные школой Покровского в исторической науке. За короткое время укрепилось новое осознание того, какой должна быть история БССР. Этому способствовали издания учебника *Краткий курс истории ВКП(б)* и разработка программы так называемого линейного преподавания истории в школе, согласно которой в третьих и четвертых классах должен был изучаться элементарный курс истории СССР. Наконец, одобренный и даже отредактированный лично Сталиным, в 1937 г. вышел учебник *Краткий курс истории СССР*, изданный под редакцией А.В. Шестакова.

Организационная и научно-методическая работа над учебником перед началом Великой Отечественной войны так и не была завершена. Перманентные дискуссии на научно-идеологической почве, которые постоянно велись в БССР, приводили лишь к перетасовкам в авторских коллективах и напряженности в личных отношениях ученых, не говоря уже об абсолютной подчиненности научного творчества белорусских историков постоянно менявшимся установкам отдела пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б, работники которого сами все активнее включались в работу над текстом. Однако, как показал дальнейший ход событий, идеологически выверенное прочтение белорусской истории могли осуществить лишь новые кадры, которые еще следовало подготовить. Кроме того, пришлось задействовать историков, которые зарекомендовали себя не как специалисты в области истории Беларуси, а как ученые, понявшие властные установки и способные оперативно на них реагировать. Обращение за помощью к настоящим

¹⁹ Ibidem, s. 34.

²⁰ Ibidem, s. 34.

ученым старой выучки – В.И. Пичете, очевидно сломленному ссылкой, А.А. Савичу, который хотя и избежал прямых репрессий, но был серьезно гоним и в 1920-х, и в 1930-х гг., – представлялось для партийного и научного руководства БССР несколько рискованным, но вынужденным шагом в решении столь важного вопроса²¹.

Партийно-советское руководство Беларуси через директора Института истории АН БССР М. Никольского пригласило в сентябре 1938 г. выдающегося белорусского ученого В. Пичету, как крупнейшего знатока практически всех периодов белорусской, украинской, и, что было наиболее важным, российской истории, войти в коллектив по написанию учебника²².

В 1941 г. вышел первый выпуск первой части *Краткой истории БССР*, написанный академиком В. Щербаковым и отредактированный в „духе марксизма-ленинизма” Алексеем Пьянковым, Владимиром Пичетой и Иваном Лочмелем²³. Однако белорусские советские и постсоветские историки должным образом не обратили внимание и не проанализировали его содержание. В частности, белорусские ученые Валентина Яновская и Олег Яновский отмечают (по состоянию на 2017 г.), что „пока никто из белорусских исследователей не смог прикоснуться к упомянутым сохранившимся экземплярам”²⁴. Репарку о „сохранившихся экземплярах” этой части *Истории Белоруссии*, проясняют слова В. Пичеты, сказанные еще в 1942 г. о том, что „Институт истории Академии наук БССР сумел уже в 1941 г. опубликовать первую часть книги *Нарысы па гісторыі Беларусі*, в которой представлена «первая история Белоруссии, начиная от первобытно-общинного строя до упадка Польско-Литовского государства»²⁵. Историк высказывал сожаление о том, что „во время варварского фашистского погрома Минска все отпечатанные экземпляры погибли, и сохранились лишь несколько экземпляров этой ценной книги”²⁶.

Война внесла значительные коррективы в этот вопрос. С 1941 г. до 1943 г. белорусские историки оказались в глубоком тылу – кто в Казани, кто в Ташкенте, а часть на станции Сходня под Московской, куда была эвакуирована Академия наук БССР. В 1943 г. после коренного перелома во Второй мировой войне, когда стало ясно что победа над фашистской Германией дело времени, в Москве группе белорусских историков, которая

²¹ Ibidem, s. 35.

²² Ibidem.

²³ Р. Лінднер, *Гісторык і ўлада*, s. 327.

²⁴ В.В. Яновская, О.А. Яновский, *Написание учебника истории Беларуси*, s. 33.

²⁵ Ibidem, s. 37.

²⁶ Ibidem.

плотно контактировала с известными российскими историками, недвусмысленно дали понять, что положение с написанием *Истории Беларуси* – недопустимое.

Главная работа в этом направлении была проведена выдающимся белорусским историком Владимиром Пичетой, который с группой историков начал работу над одноименной *Историей Беларуси*. Однако участие В. Пичеты в работе над *Историей Беларуси* привело лишь к гонениям и нападениям на уже старого ученого. Секретарь ЦК КП(б)Б Тимофей Горбунов в письме первому секретарю ЦК КП(б)Б Пантелеймону Пономаренко резко обрушился с критикой работы В. Пичеты, которому были предъявлены претензии и за старые „грехи”, и за выявленные в последних его работах новые „ошибки”. Особенно партийное руководство республики возмутило содержание статьи ученого *История Белоруссии в советской историографии*, опубликованной в 1942 г. в высокостатусной коллективной работе *Двадцать пять лет исторической науки в СССР*, которую редактировали столь разные ученые, как В.П. Волгин, Е.В. Тарле и А.М. Панкратова²⁷. Статья была оценена как очевидный возврат В.И. Пичеты на „нацдемовские” позиции в трактовке белорусской истории, попытка реанимировать вычеркнутые из бытия имена репрессированных белорусских историков А.Н. Ясинского, Ф.И. Забелло, А.В. Бурдейко, К.Н. Товстолес-Шионок, В.Д. Друщица, М.В. Мелешко, К.И. Кернажицкого и даже российского историка Д.А. Жаринова²⁸. Кроме этого, Т. Горбунов предлагал П. Пономаренко не включать в состав авторов В. Пичету, как не „оправдавшего доверия”. Судьба В. Пичеты, как одного из авторов учебника, была предопределена. На VI пленуме ЦК КП(б)Б (29 марта 1945 г.), П. Пономаренко заявил, что и без В.И. Пичеты „учебник по истории в ближайшее время будет”²⁹.

Однако, рукопись учебника сразу же попала под жесткую критику высшего партийного руководства Беларуси. На VI пленуме ЦК КП(б)Б (29 марта 1945 г.) власть жестко раскритиковала и авторов и само содержание одноименника заявив, что „Отставание на историческом фронте проявляет себя в недостаточном обобществлении крупнейшего практического опыта, накопленного ЦК К(б)Б во всех сферах социалистического строительства, в медленной разработке истории белорусского народа, истории большевистских организаций Белоруссии и истории созда-

²⁷ Ibidem, s. 36. Zob. też В.И. Пичета, *Двадцать пять лет исторической науки в СССР*, [w] *История Белоруссии в советской историографии*, red. В.П. Волгина i in., Москва-Ленинград 1942, s. 179–188.

²⁸ В.В. Яновская, О.А. Яновский, *Написание учебника истории Беларуси*, s. 36.

²⁹ Ibidem, s. 36.

ния белорусского советского государства – это отставание должно быть ликвидировано”³⁰.

Напряжение, сопровождавшее в годы войны работу белорусских историков, в 1946 г. наконец-то воплотилось в вышедшем в редакции политической литературы государственного издательства БССР с предисловием секретаря ЦК КП(б)Б Т.С. Горбунова учебнике *История БССР*. Среди авторов этого массового издания (25 тыс. экземпляров) в предисловии указаны Н.М. Никольский, К.М. Поликарпович, А.П. Пьянков и А.А. Савич. Читателю было заявлено, что это только начало, а в 1946 г. будут напечатаны четыре выпуска истории БССР, которые в сумме „должны охватить историю Белоруссии до начала XX в.», затем издание продолжится „отдельными выпусками по мере их подготовки к печати”. Однако эта 128-страничная работа так и не смогла стать достоянием даже специалистов по причине не столько своей научной примитивности, сколько из-за очередной раз проявленной „ошибочности» в оценках и подходах”³¹.

Значительной критике ключевые вопросы истории Беларуси были подвергнуты на XV пленуме ЦК КП(б)Б (27 ноября – 1 декабря 1947 г.), в выступлении секретаря ЦК КП(б)Б по идеологии, Михаила Иовчука. Прежде всего, М. Иовчук подверг жесткой и бескомпромиссной критике „историков-националистов”. Он отметил: „Наиболее опасным в условиях нашей республики видом низкопоклонства и раболепия перед границей, перед капитализмом всегда была и пока еще остается не изжитая до конца идеология националистов – белорусских, польских, украинских и еврейских. Националисты всегда были и остаются лакеями иностранных капиталистов, раболепствующих перед границей, оскорбляющих честь нашего народа, предающими его национальные интересы. Известно, что и ныне отдельные представители интеллигенции в Белоруссии, в том числе часть учительства западных областей, придерживаются неправильных, извращающих историческую правду взглядов, будто свет культуры в Белоруссию всегда шел не в Востока, не из России, а только с Запада, в частности через Литовское и польское государства, через католическую церковь [выделено мной – А.В.]. Можно было бы привести ряд примеров, как в преподавательской работе и в отдельных произведениях литературы и искусства проявляются рецидивы идеализации феодального прошлого Белоруссии, в частности лживая легенда о том, что в XIV–XVI столетиях³² Белоруссия переживала «золотой век», век социально-экономического,

³⁰ Р. Лінднер, *Гісторыя і ўлада*, s. 328.

³¹ В.В. Яновская, О.А. Яновский, *Написание учебника истории Беларуси*, s. 38.

³² Национальный архив Республики Беларусь [НАРБ], ф. 4р, оп. 20, д. 244, Стенограмма XV пленума ЦК КП(б)Белоруссии. 27 ноября – 1 декабря 1947 г., к. 210–211.

политического и культурного расцвета. Эти чуждые антиленинские взгляды и настроения ведут свое происхождение от белорусских и польских националистов, которые всегда идеализировали патриархальное и феодальное прошлое Белоруссии, вопили о «бесклассовости» белорусского народа и самобытности путей его развития. [...] Отдельные представители интеллигенции, в частности учителя, нередко пользуются старыми антимарксистскими учебниками, вроде учебника академика Пичеты по истории Белоруссии, находясь в плену польско-националистических представлений, внушенных им еще в панской Польше, а также по влиянием «трудов» по истории, переизданных и написанных белорусскими националистами в период немецкой оккупации (книги Ластовского, Найдюка, Станкевич и других) [выделено мной – А.В.]”.

Далее в своем выступлении он коснулся конкретно „искривлений’ и „искажений”, допущенных белорусскими „националистами”. Прежде всего, он подверг жесткой критике теорию белорусской государственности, ведущей свою родословную от Полоцкого княжества. М. Иовчук отметил: „Они проводили в своих трудах антинаучную, лживую установку будто развитие славянских племен, расположенных на территории Белоруссии, происходило изолированно, в отрыве от восточных славян и, вопреки исторической правде, заявляли, что якобы уже в XI веке Полоцкое государство было государством белорусского народа. Они утверждали, что Белоруссия пришла в упадок в конце XVIII века в составе России, что с конца XIX века белорусский народ якобы не боролся за уничтожение социального и национального гнета царизма, помещиков и капиталистов, а за «возрождение Кривской державы»”³³.

Продолжая свое выступление М. Иовчук „прошелся” по Великому княжеству Литовскому. Он отметил, что „Историки-националисты, а также некоторые белорусских писатели-демократы, например, Богушевич, допустивший ошибку в этом вопросе, изображали дело так, что население западнославянских княжеств добровольно объединилось с Литовским государством в силу того, что Литва якобы являлась их защитником от татарского нашествия в то время, как восточно-русские княжества оказались бессильными в этой борьбе и попали под татарское иго. [...] Пользуясь этим, литовские феодалы, создавшие в конце XII века сильное литовское княжество, в течение XIII-XIV веков насильственно захватили одно за другим раздробленные русские княжества на территории Белоруссии. Попытка изобразить Литовское государство как добровольное объединение белорусского и литовских народов, утверждение о том, что белорус-

³³ Ibidem, k. 211.

ский народ пользовался в составе Литовского государства автономией, не выдерживает никакой исторической критики. Националисты, используя тот факт, что во многих государственных документах Великого княжества Литовского употреблялся существовавший в то время старо-славянский язык со многими особенностями, характерными для белорусского языка, пытались утверждать, что в XIV–XVI веках белорусский народ якобы переживал эпоху культурного расцвета, а белорусский язык был даже общепринятым дипломатическим языком в Восточной Европе. Все эти утверждения основаны на методологически ложных «основаниях». Употребление белорусского языка в официальных документах Великого княжества Литовского свидетельствует лишь о том, что культура славян в момент захвата литовскими феодалами славянских княжеств, находившихся на территории современной Белоруссии, а частично и на территории Украины и РСФСР, была значительно выше литовской культуры³⁴.

Подводя итог своим высказываниям, он констатирует: „Националистические фальсификаторы всячески игнорируют и затушевывают факт, что только благодаря могучей поддержке мощного русского государства, благодаря духовному общению с русским народом, белорусский народ, даже в период господства над ним литовско-польских феодалов, сумел сохранить себя, хотя и находился под властью чужеземцев. Белорусский народ и в этот период часто выступал на борьбу против татар, немецких и польских магнатов в союзе с братским русским и украинским народами [выделено мной – А.В.]”³⁵.

В заключении он поставил перед белорусскими историками задачу: „В целях окончательного преодоления ошибок националистического характера в области истории Белоруссии, ЦК КП(б)Белоруссии должен принять меры к тому, чтобы работники исторической науки БССР при нашей помощи к концу 1948 г., в 30-летию БССР, создали марксистский научный труд по истории Белоруссии. Пора нам не ограничиваться критическими замечаниями в адрес старых пособий и учебников, которые безусловно непригодны, переходить к делу. Управление пропаганды ЦК должно принять действенные меры к тому, чтобы наши кадры в ближайшее время получили тезисы по важнейшим вопросам истории БССР, а через год-полтора большевистский научный труд по истории БССР, чтобы ими могли руководствоваться преподаватели истории, работники науки и искусства, наш партийный актив”³⁶.

Значительный импульс написанию *Истории БССР* произошел летом 1948 г., который был связан с запиской консультанта отдела науки и ВУЗов

³⁴ Ibidem, k. 211–212.

³⁵ Ibidem, k. 212.

³⁶ Ibidem, k. 214.

ЦК КП(б)Б Константина Шабуня, адресованной секретарю ЦК КП(б)Б по идеологии Михаилу Иовчуку 29 июня 1948 г. К. Шабуня в записке отметил, что Институт истории АН БССР представил в отдел науки ЦК КП(б)Б авторский экземпляр *Истории БССР*, подготовленный к печати в 1948 г. Однако К. Шабуня достаточно критически отнесся к представленному макету. Он подчеркнул, что макет не обсуждался на Ученом совете Института истории и поэтому его нельзя серьезно рассматривать и анализировать. Он также высказал замечания, что „по разделам, посвященным первобытно-общинному строю, периоду феодализма, капитализма имеется целый ряд расхождений в оценке важнейших исторических событий с Тезисами «Об основных вопросах истории БССР»»³⁷. Еще более суровой критике подверглась вторая часть, посвященная советскому периоду, которую он предложил „серьезно переработать”.

Можно утверждать, что эта записка послужила стартом для научной карьеры К. Шабуня. В резолюции М. Иовчука на записке К. Шабуня было подчеркнуто: „Я дал согласие Президиуму АН на включение Вас в состав редколлегии «Краткой Истории БССР» Поэтому главное внимание в Вашей работе на ближайшие ½ года должно быть обращено на эту книгу»³⁸. Фактически К. Шабуня превратился в „смотрящего” от ЦК КП(б)Б за написанием *Истории БССР* и лично отвечал за ее содержание. Безусловно, это имело огромное влияние и ставило его намного выше чем главные редактора, не говоря уже об авторах соответствующих разделов.

Вопрос о значимости и важности издания *Истории Беларуси* обсуждался на самом высоком уровне. При этом, значительное место уделялось жесткой критике „националистических” ошибок, допущенных при написании *Истории БССР*, а главное, давались прямые указания как „исправить” эти ошибки. Тон критике задал первый секретарь ЦК КП(б)Б Николай Гусаров на XIX съезде КП(б)Б (15–18 февраля 1949 г.). В своем выступлении он, в частности, подчеркнул: „ЦК КП(б)Б вел постоянную борьбу против попыток националистических элементов обособить белорусскую национальную культуру от культуры русского народа, замкнуться в узко-национальных рамках, отгородиться от плодотворного влияния русской культуры, от ее великих достижений. Националистические элементы пытались противодействовать законной тяге белорусского народа к русско-

³⁷ НАРБ, ф. 4р, оп. 47, д. 185, Докладные и справки отдела о подготовке к учебному году в высших учебных заведения, о результатах обследования института теоретической медицины Академии наук БССР. Письмо товарищу Сталину от участников расширенного заседания Президиума Академии наук БССР и стенограмма совещания в Управлении пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б. 11 января 1948 г. – 29 сентября 1948 г., к. 144–145.

³⁸ Ibidem, k. 143.

му языку, к овладению культурными ценностями русского народа, в то время как овладение русской культурой и русским языком не только не стесняет, а наоборот, в огромной степени содействует обогащению и дальнейшему развитию белорусского языка и белорусской культуры [выделено мной – А.В.]³⁹.

Далее он подчеркнул, что „ЦК КП(б)Б неоднократно занимался вопросами исторической науки. Был подвергнуты критике националистические теории в области истории и литературы, допускавшие некоторыми работниками идеологического фронта. В связи с большой путаницей в оценке наследства дореволюционной белорусской культуры, была организована в Академии наук специальная дискуссия по истории общественной мысли и Белоруссии. По заданию ЦК были подготовлены и опубликованы в печати тезисы по истории БССР и истории белорусской литературы, после чего было проведено их обсуждение. Была разоблачена националистическая теория «единого потока», изображавшая историю Белоруссии, как процесс, протекающий без классовой борьбы. Были подвергнуты критике отдельных литературных критиков, в которых в число патриотов белорусского народа зачислялись скопом все писатели и деятели культуры, в том числе и идеологи белорусского буржуазного национализма Алесь Гарун и Ядвигин (Левицкий). Была разоблачена лживая националистическая теория будто свет культуры в Белоруссию шел не с востока, а только с запад, будто белорусская культура развивалась не под могучим прогрессивным влиянием русской культуры, а была насаждена в Белоруссии деятелями польской панско-шляхетской культуры и римско-католической церкви. Была также разоблачена и подвергнута критике другая националистическая теория о «золотом веке», который якобы переживала Белоруссия в своем экономическом, политическом и духовном развитии в XIV–XVI столетиях, находясь в составе Литовского и Польского феодальных государств [выделено мной – А.В.]⁴⁰.

Более серьезной критике макет *Истории БССР* был подвергнут в выступлении секретаря ЦК КП(б)Б по идеологии М. Иовчука. В своем выступлении он особенно подчеркнул: „Дело в том, что эти ошибки шли по линии воскрешения националистической теории «единого потока» и состояли в том, что все деятели белорусской культуры прошлого, включая иезуита Мелетия Смотрицкого, польско-шляхетских писателей Борщевского и Чечета, буржуазных националистов Алесь Гаруна и Ш. Ядвигина (Левицкого), некоторыми историками и литераторами восхвалялись и за-

³⁹ НАРБ, ф. 4р, оп. 2, д. 213, Стенограмма XIX съезда КП(б)Б. 15–18 февраля 1949 г., к. 68.

⁴⁰ Ibidem, к. 69.

числялись в разряд передовых деятелей, а их произведения рассматривались, как наследство, воспринимаемое белорусской советской культурой. Дело в том, что эти ошибки шли по линии воскрешения теории «золотого века», выдвинутой националистами, которые прославляли феодальное прошлое белорусского народа, распространяли лживую легенду о том, будто бы белорусский народ уже в XIV–XVI веках достиг больших высот в своем экономическом и культурном развитии. Появление рецидивов теории «золотого века» вело к принижению исторического значения в судьбах белорусского народа Великой Октябрьской социалистической революции, которая впервые дала белорусскому народу государственность и возможность быстрого развития национальной культуры. Дело в том, что отдельные наши литераторы и историки изображали историю белорусской культуры так, что «свет культуры» будто бы в Белоруссию пришел с запада, и изображали выдающегося деятеля белорусской культуры Георгия Скорину человеком, который только и делал всю жизнь, что следовал идеям польских, итальянских и немецких мыслителей. Иногда представляли родоначальниками белорусской культуры в XIX третьестепенных польских литераторов, игнорируя могучее влияние на белорусскую культуру передовой демократической культуры братского русского народа. [выделено мной – А.В.]⁴¹.

В заключении он подчеркнул: „Могут сказать, что макет «Истории БССР» – это рукопись, разосланная для совета и замечаний руководящими партийными работниками и деятелями науки, но даже в рукописи нельзя было допускать подобных извращений. В Агитпропе ЦК КП(б)Б на 1 марта было назначено обсуждение макета «Истории БССР», чтобы после обсуждения наши историки могли начать переработку макетированной рукописи в целях создания научного труда по «Истории БССР». Не подлежит никакому сомнению, что ЦК КП(б)Б должен обеспечить серьезную критическую работу над макетом «Истории БССР» с тем, чтобы в ближайшее время у нас был создан полноценный марксистский труд по истории БССР, на котором будут воспитываться наши кадры, интеллигенция и молодежь»⁴².

Обсуждение макета *Истории БССР* на XIX съезде КП(б)Б вызвало „широкое общественное” обсуждение. В отчете Института истории АН БССР за 1949 г. отмечалось, что „В результате обсуждения выяснилась необходимость в значительном изменении структуры и содержания книги. Выяснилась необходимость включения в книгу методологического введе-

⁴¹ Ibidem, k. 373.

⁴² Ibidem, k. 372.

ния, в котором должны быть четко определены принципы периодизации Истории БССР⁴³. 2–3 апреля 1949 г. состоялось расширенное заседание Отделения общественных наук Академии наук БССР, посвященное обсуждению макета *Истории БССР*. В обсуждении участвовали научные сотрудники и аспиранты АН БССР, ВУЗов республики, лекторских групп и работники обкомов партии⁴⁴.

В 1949 г. в целях окончательной подготовки *Истории БССР* был создан Главный Редакционный Совет под председательством Академика-секретаря В.Н. Перцева и членов Совета – академика Н.М. Никольского и А.М. Панкратовой. По каждому тому *Истории БССР* были составлены редколлегии. Редакционная коллегия I тома образована под председательством кандидата исторических наук А.П. Пьянкова и членов: В.Н. Перцева, Е.И. Корнейчика и К.И. Шабуня. Редакционная коллегия II тома образована под председательством И.С. Кравченко и членов: И.С. Чимбурга и Н.В. Каменской. Кроме того, И.С. Кравченко являлся заместителем Председателя Главного редакционного совета Академика-секретаря В.Н. Перцева⁴⁵. Для того, чтобы работа была выполнена в срок Президиум АН БССР ходатайствовал перед ЦК КП(б)Б об освобождении авторов, работающих вне АН БССР, от основной работы и переключения их на 2–3 месяца полностью на работу по завершению исправления 2-х томника *История БССР*.

В августе 1950 г. заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б И. Гуторов направил секретарю ЦК КП(б)Б Т. Горбунову докладную записку *О рукописи „Истории БССР” в 2-х томах*, в которой сообщал, что издательство АН БССР представило в отдел пропаганды и агитации рукопись *Истории БССР*⁴⁶. И. Гуторов сообщил, что в первом томе 20 глав, авторами которых являются Поликарпович, Н. Никольский, Л. Абецедарский, М. Дудков, В. Перцев, К. Шабуня, Е.И. Корнейчик и М. Гринблат. Ответственными редакторами первого тома являлись В. Перцев, Н. Никольский, А. Пьянков, К. Шабуня и Е.И. Корнейчик. Второй том состоял из 9 глав которые написали Н.В. Каменская, Шекун, А.Е. Шкляр, А.П. Скуман, М.Я. Гринблат, И.Р. Левтов, а ответственным редакторами являлись И.С. Кравченко, И.С. Чимбург и Н.В. Каменская⁴⁷. И. Гуторов

⁴³ Архив Национальной академии Наук Беларуси [АНАНБ], ф. 3, оп. 1, д. 496, Институт истории. Отчет о работе института за 1949 г., к. 5.

⁴⁴ Ibidem, k. 53.

⁴⁵ Ibidem, k. 7.

⁴⁶ НАРБ, ф. 4р, оп. 47, д. 294, Докладные и сведения Академии наук и институтов республики об их работе. 23 января 1950 г. – 29 ноября 1950 г., к. 103.

⁴⁷ Ibidem.

так же предложил, чтобы *История БССР* вышла под общей редакцией Т. Горбунова и В. Перцева.

Одним из существенных разногласий, вызвавших задержку выхода первого тома *Истории БССР*, явились разногласия между корифеями советской исторической науки, профессорами Николаем Никольским и Владимиром Перцевым. Н. Никольский вынужен был трижды – 14, 20 и 27 ноября 1951 г. писать в ЦК КП(б)Б о разногласиях, возникших при написании *Истории БССР*. В первом письме 14 ноября на 4 машинописных страницах председатель редколлегии I тома *Истории БССР* и одновременно директор Института истории АН БССР Н. Никольский резко возразил против замечаний, высказанных ему В. Перцевым и молодым ученым К. Шабуней. Суть претензий состояла в том, что В. Перцев и К. Шабуня предлагали Н. Никольскому исключить 5 страниц §4 главы VII с предложенной ими заменой этих страниц коротким введением не более половины печатной страницы и изменением в связи с этим заглавия параграфа (*Брестская церковная уния* вместо предложенного Н. Никольским заглавия *Религиозно-церковные отношения в белорусских землях и Брестская церковная уния*)⁴⁸. Критикуя введение, написанное В. Перцевым, Н. Никольский в свою очередь упрекнул В. Перцева в том, что последний характеризовал Брестскую унию как „исключительно польскую затею”, не подчеркнул важнейший факт – „предательскую роль белорусских духовных и церковных феодалов по отношению к своему народу, белорусские светские и церковные феодалы, стремясь к уравниванию в правах с католическими феодалами, стояли также за проведение унии, а некоторые еще до унии уже прямо переходили в католичество”⁴⁹.

В заключении Н. Никольский констатировал, что „сокращения [он особенно это подчеркнул – А.В.], сделанные в параграфе о Брестской унии, не только исковеркали его план и цельность его построения, но также, вольно или невольно, вывели В.Н. Перцева и К.И. Шабуню на неправильный путь забвения основных положений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина о классовой борьбе, руководящего указания Сталина об изучении истории трудящихся масс как основной задачи марксистско-ленинской исторической науки, положения об эксплуататорской роли христианской религии”⁵⁰. Упоминание К. Шабуня вместе с В. Перцевым было обоснованным, т.к. в

⁴⁸ НАРБ, ф. 4р, оп. 73, д. 32, Справки, заявления и материалы о дискуссии по макету книги *История БССР* и замечания по III разделу по книге *История* института истории Академии наук. 1 января 1952 г. – 30 декабря 1952 г., к. 1.

⁴⁹ Ibidem, к. 2.

⁵⁰ Ibidem, к. 4.

1951 г. А. Пьянков был выведен из состава комиссии, а вместо него был введен К. Шабуня.

20 ноября 1951 г. Н. Никольский вновь пишет письмо в ЦК КП(б)Б однако уже значительно расширенное, на 10 страницах, в которых он подробно останавливается на тех замечаниях, которые предъявляли к нему В. Перцев и К. Шабуня. Н. Никольский все замечания сгруппировал в три группы: „1. Авторские замечания и исправления по §5 главе II, написанному мной и дополнительные замечания по §4 главе VII *Брестская церковная уния*; 2. Замечания и предлагаемые мною исправления в некоторых других главах; 3. Предложения об исключении двух параграфов, вновь вставленных В. Перцевым”⁵¹. Как видно, замечания были довольно существенные по количеству материала. Заканчивается письмо прямыми обвинениями В. Перцева в том, что характерной чертой редактирования В.Н. Перцевым этого макета является его стремление „во чтобы то ни стало протащить свои взгляды и свои интересы, хотя бы в целом ряде случаев эти взгляды и интересы расходились и с марксистско-ленинской методологией и с фактами”⁵².

27 ноября 1951 г. Н. Никольский вновь обращается в ЦК КП(б)Б с еще более обширным письмом, состоящим из 34 страниц машинописи. В этом письме Н. Никольский подчеркивает, что „В процессе окончательной работы редакционной коллегии I тома *Истории Беларуси*, состоящей из Н.М. Никольского (председатель и ответственный редактор), В.Н. Перцева и К.И. Шабуня, между Н.М. Никольским и двумя другими членами коллегии возникли разногласия весьма важного методологического и фактического характера. Работа коллегии протекала в таком порядке: В.Н. Перцев и К.И. Шабуня готовили проект необходимых исправлений, дополнений и сокращений, а затем проредактированный таким образом текст переходил к Н.М. Никольскому, который утверждал бесспорные изменения и должен был согласовывать те изменения, с которыми он не соглашался. В результате к середине сентября было достигнуто согласие по всем пунктам, за исключением двух весьма важных вопросов, по которым В.Н. Перцевым и К.И. Шабуней при участии приглашенного ими в качестве консультанта старшего научного сотрудника Института истории Конейчика, не согласились с некоторыми формулировками в двух написанных Н.М. Никольским параграфах и предложили свои редакционные изменения и сокращения, с которыми Н.М. Никольский не согласился”⁵³.

Разногласия были настолько существенными и противостояние сторон

⁵¹ Ibidem, k. 5.

⁵² Ibidem, k. 14.

⁵³ Ibidem, k. 15.

настолько непримиримыми, что разногласия были перенесены в Ученый Совет Института истории, который дважды собирался, чтобы рассмотреть этот вопрос – 14 сентября и 4 октября. 14 сентября спорные вопросы не были разрешены и было предложено созвать расширенное заседание Ученого совета с приглашением работников Института философии, Института языка и литературы, а также специалистов из других учреждений Минска, которое планировалось созвать 4 октября.

Однако 4 октября Н. Никольский не мог присутствовать на заседании, так как находился в больнице, где ему должны были сделать операцию. На этом заседании все присутствовавшие высказались против формулировки Н. Никольского, как якобы антимарксистской и приняли формулировки, предложенные В.Перцевым и К. Шабуней⁵⁴. Ученый совет принял решение: „обязать редколлегию I тома (Н.М. Никольский, В.Н. Перцев, К.И. Шабуня) в кратчайший срок закончить редакцию спорных разделов по вопросу о введении христианства и Брестской унии и др., положив в основу для исправлений редакцию этих разделов, данную В.Н. Перцевым и К.И. Шабуней в духе тех мнений, которые высказаны на ученом совете”⁵⁵.

После некоторого молчания В. Перцев все же ответил на замечания и возражения Н. Никольского. Поскольку на его письме нет даты, а в деле, хранящемся в Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ) крайние даты январь-декабрь 1951 г., то возможно предположить, что письмо В. Перцева было написано в декабре 1951 г., так как письма Н. Никольского написаны в ноябре 1951 г. Письмо озаглавлено *Ответ на „Возражения” и „Замечания” Н.М. Никольского по поводу изменений в тексте макета №2 (том I), внесенных В.Н. Перцевым и К.И. Шабуней.*

Письмо В. Перцева содержит 7 печатных страниц. Он начал сразу с одного из главных дискуссионных вопросов – с Брестской унии. В.Перцев обратил внимание, что „Мы нисколько не упрощаем и не искажаем проблему Брестской унии, представляя ее как проявление стремления польских католических и окатоличенных литовских и белорусских феодалов идеологически поработить белорусский народ и навязать ему чуждую религию”⁵⁶. Затем он подчеркнул, что позиция его и К. Шабуня является общепринятой и согласной с мнениями классиков марксизма. Более того, он прибег к трудно опровержимому факту сославшись на мнение москов-

⁵⁴ Ibidem, k. 16.

⁵⁵ Ibidem.

⁵⁶ НАРБ, ф. 4р, оп. 73, д. 2, Материалы по обсуждению книги товарища Гуторова «Эстетические основы советской литературы», справка о мерах помощи и замечаниями по отчету Академии наук БССР, об организации института микробиологии и другие материалы АН БССР. 1 января 1951 г. – 27 декабря 1951 г., k. 169.

ских ученых: „Так трактуется эта проблема в *Истории СССР*, изданной Академией наук СССР” и добавил, обратим на это внимание, что „На это между прочим указывали Н. Никольскому и его московские критики, рассматривавшие макет №1 на заседании сектора истории СССР Института истории Академии наук СССР и отозвавшие о главе, посвященной Брестской унии, очень неблагоприятно”⁵⁷. Если высказывание В. Перцева о „общепринятой позиции” являлось общим, то ссылка на „очень неблагоприятное” впечатление московских историков о Брестской унии в трактовке Н. Никольского, являлось просто убийственным аргументом в пользу позиции В. Перцева и К. Шабуня. В национальной республике никто не мог поставить под сомнение точку зрения и позицию московских историков. А именно на это замахнулся Н. Никольский. Кстати, в письмах Н. Никольского ни разу не упоминалась позиция московских историков о Брестской унии. Не зная ее он, как директор Института истории АН БССР, ответственный редактор первого тома *Истории БССР* просто-напросто не мог.

В. Перцев подверг жесткой критике следующее утверждение Н. Никольского, даже не утверждение а ошибку, о том, что „Н. Никольский считает что крестьяне XVI-XVII веков только формально придерживались православной веры, а на деле оставались сторонниками той же веры, которая существовала среди белорусского населения до принятия христианства, которая была свойственна первобытно-общинному строю и которую все называли и называют языческой”. И опять же В. Перцев ссылается на авторитет и мнение московских историков: „Эта ошибка Н.М. Никольского подверглась уже достаточной критике и в Москве при обсуждении в Институте истории Академии наук СССР макета № 1 *Истории БССР* и у нас на заседании Ученого совета Института истории АН БССР, и поэтому я не нахожу нужным еще раз на ней останавливаться”⁵⁸.

В. Перцев „прошелся” по *Замечаниям* Н. Никольского и позиции последнего о том, что „введение христианской религии не заключало в себе ничего прогрессивного”. Опять же В. Перцев сослался на общесоюзные учебники отметив, что „О прогрессивных последствиях введения христианства говорится в учебнике для ВУЗов по истории СССР, и в книге *История культуры древней Руси* (т. 1), и в других общераспространенных изданиях”⁵⁹.

Критикуя раздел *Культура белорусского народа во второй половине XVI века*, подготовленный и написанный полностью Н. Никольским, В. Перцев опять же апеллирует к московским коллегам: „В действитель-

⁵⁷ Ibidem.

⁵⁸ Ibidem, k. 170.

⁵⁹ Ibidem, k. 171.

ности дело обстояло так: следуя указаниям и советам наших московских критиков, я предложил сократить содержание главы *Культура Белоруссии XIV–XVI в.* и отнести все, что в ней говорилось о второй половине XVI века (после Люблинской унии), к главе о культуре Белоруссии XVI–XVIII вв., соответственно изменив заглавие *Культура Белоруссии с конца XVI века до XVIII века*⁶⁰.

И еще одно важное замечание, на которое обращает внимание В. Перцев, и что не учел Н. Никольский. В. Перцев подчеркнул, что „Литературные произведения белорусских авторов после Люблинской унии и особенно после Брестской унии приобретают резко полемический характер, направленный против попыток окатоличить белорусский народ. Такого острого полемического тона в литературе до Люблинской унии не было, потому что тогда окатоличивание не проявлялось в резких формах. Московские критики макета № 1 посоветовали нам не соединять характеристику белорусской культуры более позднего времени в одной главе, а мы с этими критическим замечаниями согласились”⁶¹.

Как следует из этих писем споры, возникшие между двумя выдающимися историками затрагивали действительно принципиальные проблемы как белорусской истории, так и общетеоретические вопросы. Однако позиция, главным образом В. Перцева, так как К. Шабуня вряд ли был соавтором этого письма, была гораздо сильнее и предпочтительнее нежели у Н. Никольского. Главным образом это было связано с реверансами в сторону московских коллег и полное принятие В. Перцевым „рекомендаций”, „советов” и „указаний” историков из Института истории СССР АН СССР, которые должны были быть внесены в *Историю БССР*.

Отметим, что полемика между Н. Никольским и В. Перцевым закончилась полным поражением первого. Это было и личное, и научное поражение Н. Никольского.

Декабрь 1952 г. явился определяющим в написании *Истории Беларуси*. 26-27 декабря 1952 г. в Минске состоялась дискуссия по макету *Истории БССР*, подготовленная Институтом Истории АН БССР и группой научных сотрудников ВУЗов Беларуси. В дискуссии приняли участие ведущие историки СССР – из Москвы, Академии наук Украины и Литвы, белорусские историки, экономисты, литературоведы, искусствоведы, партийно-советские работники Беларуси. В дискуссии выступили более 20 человек, среди них из Москвы профессора – А.М. Панкратова, М.В. Нечкина, В.К. Яцунский, А.И. Баронович, М.Н. Тихомиров, В.Т. Пашуто,

⁶⁰ Ibidem, k. 173.

⁶¹ Ibidem, k. 174.

Д.И. Мышко, из Киева – П.С. Загорский, из Вильнюса – Ю.М. Юргинис и Н.В. Эйер-Лорка, из Минска – В.Н. Перцев, Л.С. Абецедарский и другие⁶². Интересно отметить, что среди выступающих не было академика Н. Никольского как ответственного редактора первого тома.

Минск, поскольку он организовывал дискуссию, был представлен наиболее многочисленной делегацией. В ней принимали участие ученые всех крупнейших ВУЗов Беларуси, директора институтов АН БССР, заведующие кафедрами марксизм-ленинизма, заведующие кафедрами истории СССР ВУЗов, заведующие секторами института истории АН БССР, председатели правления Союза советских писателей, Союза советских художников, редактор журнала „Коммунист Белоруссии”, секретари Барановичского, Бобруйского, Минского областного и городского комитета партии, Народные писатели Я. Колас, П. Глебка и К. Крапива. Всего в дискуссии приняло участие 120 человек⁶³.

К.И. Шабуня сообщая об этой дискуссии в ЦК КП(б)Б отмечал, что „Макет *Истории БССР* был единодушно признан как удовлетворительная основа для написания книги по истории БССР”⁶⁴.

Окончательное решение об издании было принято 19 декабря 1953 г. комиссией, созданной ЦК КПБ, для рассмотрения замечаний и предложений, высказанных при обсуждении макета *Истории БССР*. Комиссия была создана в составе: председатель комиссии секретарь ЦК КПБ по идеологии Т. Горбунов, члены комиссии – К.П. Буслов, И.М. Ильюшин, С.Н. Малинин, К.И. Шабуня, И.С. Кравченко, И.С. Чимбург, А.И. Сидоренко⁶⁵. Всего комиссией было сделано около 200 замечаний, исправлений и дополнений в I том. Редакционная коллегия исправила текст книги в соответствии с указаниями комиссии.

В декабре 1953 г. комиссия, отметила, что „Авторский коллектив и редакционная коллегия после обсуждения макета *История БССР* в декабре 1952 г., проделали большую работу над текстом книги и создали ценный труд по истории Белорусской ССР. Вместе с тем, комиссия внесла ряд существенных поправок и критических замечаний по содержанию книги”⁶⁶.

⁶² НАРБ, ф. 4р, оп. 73, д. 32, Справки, заявления и материалы о дискуссии по макету книги *История БССР* и замечания по III разделу по книге *История* института истории Академии наук. 1 января 1952 г. – 30 декабря 1952 г., к. 6 8.

⁶³ Ibidem, d. 34, Справки и докладные записки высших учебных заведений и других организация на имя секретарей ЦК КП Белоруссии. 1 января 1952 г. – 30 декабря 1952 г., к. 211–212.

⁶⁴ Ibidem, d. 32, Справки, заявления и материалы о дискуссии по макету книги *История БССР* и замечания по III разделу по книге *История* института истории Академии наук. 1 января 1952 г. – 30 декабря 1952 г., к. 68.

⁶⁵ Ibidem, d. 837, Протокол № 5 заседания Бюро ЦК КПБ от 16 марта 1954 г., к. 23.

⁶⁶ Ibidem, k. 25.

Какие же были сделаны замечания? Всего было сделано 16 замечаний: 1. Назвать книгу вместо *История БССР* – *История Белорусской ССР*; 2. Более точно указать причины возникновения древнерусского государства, в частности указать на то, обстоятельство, что борьба с внешней опасностью способствовала оформлению государства на Руси; 3. Расширить материал и более четко указать на причины возникновения городов (глава I); 4. Уточнить формулировки текста книги в главах II и III, где говорится о деятельности князей, подчеркнуть роль народных масс и расширить материал о классовой борьбе; 4. Сформулировать точнее в главе IV положение о том, что основную массу феодалов Белоруссии составляли белорусские феодалы; 6. Дать более четкое изложение движения, возглавляемого князем Михаилом Глинским, действовавший в Белоруссии в союзе с русским правительством против литовских князей (глава IV); 7. Уточнить формулировки относительно происхождения белорусского народа и белорусского языка (глава I); 8. Указать на историческую ограниченность мировоззрения Г. Скорины (глава V); 9. Дополнить главу VII об освободительной борьбе белорусского народа в середине XVII века материалами о воссоединении Украины с Россией; 10. Дополнить главу X о воссоединении Белоруссии с Россией положением о том, что воссоединение Белоруссии, как и Украины с Россией, способствовало укреплению Российского государства; 11. Уточнить формулировки относительно мировоззрения В.Г. Белинского (глава X); 12. В главе XIV о развитии капитализма в Белоруссии указать конкретнее на исторически сложившиеся хозяйственное разделение труда в дореволюционной России; 13. Дополнить раздел о рабочем движении 1870–1890 гг. материалами о распространении марксизма в Белоруссии; 14. Дополнить главу XVI о Белоруссии накануне буржуазно-демократической революции 1905-1907 гг. положением о том, что политика царизма препятствовала развитию хозяйства, особенно промышленности в национальных окраинах, в том числе и в Белоруссии; 15. Подчеркнуть, что в главе XVIII, что белорусские буржуазные националисты защищали интересы не только кулачества, а также и белорусской буржуазии; 16. Уточнить изложение мировоззрения З. Бядули в главе XX⁶⁷.

16 марта 1954 г. состоялось „историческое” заседание бюро ЦК КПБ, на котором рассматривался вопрос об издании I тома *Истории БССР*. Заседание было коротким. Первый секретарь ЦК КПБ Николай Патоличев предложил выступить В. Перцеву и высказать свои замечаний от авторского коллектива. В. Перцев бы немногословен. Он отметил, что редакторский коллектив подробно рассмотрели все замечания, сделанные во время

⁶⁷ Ibidem, k. 25–27.

работы, и отметил, что „В основном все замечания, сделанные комиссией, признали правильными. [...] Исходя из них мы переработали наш макет и думаем, что в том виде, каком он представлен, он может быть выпущен в печать в соответствии с указаниями комиссии”⁶⁸.

Н. Патоличев поинтересовался у В. Перцева, знаком ли он с I томом *Истории Украины?*, на что В. Перцев ответил, что и он, и авторский коллектив знаком со всеми историями национальных республик.

Дискуссия разгорелась о вопросе, на каком языке выпускать *Историю БССР*? Секретарь ЦК КПБ Т. Горбунов предложил выпустить весь тираж на русском языке, а потом на белорусском. В свою очередь, Н. Патоличев предложил первоначально издать книгу на русском языке и параллельно вести перевод, чтобы в ближайшее время издать и на белорусском⁶⁹.

По итогам обсуждения было принято решение об издании книги *История БССР* том I-й тиражом в 30 тысяч экземпляров: на белорусском языке 15 тысяч и на русском языке – 15 тысяч. Было поручено Президиуму АН БССР издать *Историю БССР* к 15 мая 1954 г.⁷⁰

Таким образом, длившийся более 11 лет период (начиная с 1943 г.) период написания *Истории БССР* был успешно закончен. Беларусь получила канонический учебник, концептуальные положения которого не могли быть подвергнуты и на протяжении советского периода никогда не подвергались белорусскими советскими учеными-историками. Главными концептами, которые легли в основу учебника являлись следующие: единство восточнославянских племен, среди которых первыми из равных были русские племена; белорусский народ на всем историческом развитии был тесно связан с русским народом и только благодаря тесным связям и бескорыстной помощи русского народа он смог достичь успехов в национально-государственном строительстве; белорусский народ на всем протяжении своего существования вместе с русским народом решительно боролся против угрозы с запада и, прежде всего, против окатоличивания и латинизма, исходившего от „панской” Польши, стремившей „окатоличить” и „ополячить” православную Беларусь.

Bibliografia

Źródła archiwalne

Архив Национальной академии Наук Беларуси (АНАНБ)
f. 3, Институт истории: оп. 1, d. 496.

⁶⁸ Ibidem, k. 356.

⁶⁹ Ibidem, k. 358.

⁷⁰ Ibidem, k. 23.

Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ)

f. 4р, Центральный комитет коммунистической партии (большевиков) Белоруссии. 1918–1941 гг.: оп. 2, d. 213; оп. 20, d. 244; оп. 47, d. 185; оп. 47, d. 294; оп. 73, d. 2; оп. 73, d. 32; оп. 73, d. 34; оп. 81, d. 837.

Źródła drukowane

Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т., т. 4, red. Г.П. Пашкоў (галоўны рэд.) і ін., Мінск 1997.

Белозорович В.А., *Вклад Л.С. Абецедарского в подготовку двухтомной „Истории Белорусской ССР”*, [w] *Пічэтаўскія чытанні – 2019: універсітэцкая навука і гістарычная адукацыя ў Беларусі ХХ – пачатку ХХІ ст.: да 85-годдзя стварэння гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта*, Мінск 2019, s. 217–221.

Довнар-Запольский М.В., *История Белоруссии*, Минск 2003.

Ігнатоўскі У.М. *Кароткі нарыс гісторыі Беларусі*, Мінск 1991.

Лінднер Р., *Гісторык і ўлада. Нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі ў ХІХ–ХХ ст.*, Мінск 2005.

Пичета В.И., *Двадцать пять лет исторической науки в СССР*, [w] *История Белоруссии в советской историографии*, red. В.П. Волгина і ін., Москва-Ленинград 1942, s. 179–188.

Яновская В.В., Яновский О.А., *Написание учебника истории Беларуси в условиях „Борьбы на идеологическом фронте” (1930–40-е гг.)*, „Журнал Белорусского государственного университета” 2017, nr 1, s. 32–39.

dr (kandydat nauk) Anatolij Wialikij, historyk, archiwista, adiunkt w Instytucie Historii Nauki im. A. i L. Birkenmajerów PAN. Zainteresowania naukowe: historia polsko-białoruskich stosunków i kontaktów naukowych, dzieje mniejszości polskiej w ZSRR. Publikacje (wybór): *Dzierżyńszczyzna 1932–1937. Region skazany na likwidację*, red. n. J. Szumski, tłum. J. Kurkowski, Warszawa 2021; *U ceni Rygi: męski etap savecka-polskich mirmyh peramoŭ (17 žniŭnâ – 2 verasnâ 1920 g.*, „Rocznik Centrum Studiów Białoruskich” 2021, t. 7, nr 7, s. 49–62.

Data zgłoszenia artykułu: 14 listopada 2022 r.

Data przyjęcia do druku: 1 grudnia 2022 r.